

18+

Свитова М.А. Самойлова Е.А.
Черносвитов Е.В.

...в этом мире несчастливы...

книга третья

**Марина Черносвитова
Евгений Черносвитов
Екатерина Самойлова**

**...В ЭТОМ мире
несчастливы... Книга третья**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63177577
ISBN 9785005177216*

Аннотация

Это третья книга из серии «...в этом мире несчастливы...», в ней собраны истории по документам, которые произошли в разное время. В основном в нашей стране. Авторы являлись в каждом случае или свидетелем, или врачом, или психологом, или экспертом. Прежде чем собрать предлагаемые читателю истории, авторы заново их переосмыслили. Отсюда все истории приобрели два важных качества: каждая история имеет не одного, а всех трех авторов, и каждая история превращается в «почти документальную историю».

Содержание

Марина Черносвитова	6
Буридановы ослы и алейские мухи	6
Капри, ноябрь-декабрь 1989 г.	23
Конец ознакомительного фрагмента.	40

**...В ЭТОМ мире
несчастливы...
Книга третья**

**Марина Черносвитова
Евгений Черносвитов
Екатерина Самойлова**

Дизайнер обложки Оксана Альфредовна Яблокова
Редактор Екатерина Александровна Самойлова
Фотограф Вячеслав Васильевич Черносвитов

© Марина Черносвитова, 2020

© Евгений Черносвитов, 2020

© Екатерина Самойлова, 2020

© Оксана Альфредовна Яблокова, дизайн обложки, 2020

© Вячеслав Васильевич Черносвитов, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-7721-6 (т. 3)

ISBN 978-5-0051-7722-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение: Любви Дмитриевне **Мухановой**, Наталии
Викторовне **Самойловой**, Ксении Петровне **Черносвито-**
вой,

Альфреду Владимировичу **Яблокову**.

Марина Черносвитова

Буридановы ослы и алейские мухи

(рассказ быль, рассказ притча)

Если кому-нибудь, прочитавшему этот рассказ, он покажется сумбурным, советую перечитывать его до тех пор, пока все встанет на свои места, как в хайку и в танка.

В качестве эпиграфа возьму весьма спорное выражение Гераклита «темного». Несмотря на то, что Гераклита «светлого» не было, но время сохранило мрачный аутизм великого философа в этом прилагательном «темный». Вообще-то подобные прилагательные не всегда соответствовали характеру лица, которому они приписывались. Так, великий князь Владимир 1 Святой и Красно Солнышко, не был ни святым, если судить по деяниям его, как человека, а не как князя, крестившего Русь, убившего родного брата Ярополка, когда в этом никакой необходимости не было. А Иван Грозный вообще не был «грозным» и не убивал своего сына. И откуда это взял Репин?.. А что говорить о французских королях? Что ни король, то прибавка к имени (избавлю читателя о иноземцах подробно писать). Так вот, Гераклит сказал:

«Все течет и движется, и ничего не пребывает».

...Кто знает древнегреческий времен Гераклита, то не будет, как попугай повторять: «Все течет, все изменяется». Гераклит, смею утверждать, имел в виду совсем другое. А именно – иллюзию изменения в мироздании, ибо «все течет, ничего не прибавляется» и ничего не убавляется. Почитайте, что сохранилось от Гераклита, а не от его интерпретаторов, если вы не только знаете древне греческий, но и еще эфесский диалект. Думаю, что именно из-за диалекта, Гераклита не поняли ни современники его, ни римляне, которые его очень уважали, и поэтому, по-спартански, «урезали» его. До «все течет...»...

Удивительный был этот Иогáнн Па́ульсон Морéльсе, нидерландский художник, сын художника. Взгляните только на сжатые до белых костяшек кисти Гераклита, на его напряженный лоб (это не лоб мудреца, а человека, испытывающего тяжелейшую душевную боль), на всю позу философа, как будто на его согбенные плечи легла вся тяжесть мироздания! А художнику было всего 27 лет!..

...Василий Павлович Аксенов в этом же возрасте написал свою лучшую, на мой взгляд, повесть, «Коллеги» – самую честную. Когда мы с ним познакомились – сначала случайно – в Хабаровске, вечером, в элитном ресторане «Уссури», куда я пришла со своим женихом, будущим мужем и отцом моих детей. В этот ресторан всегда очень трудно попасть. Он небольшой. Всегда был переполнен. И поэто-

му к «парочкам» за маленький круглый столик обязательно подсаживали «одиночку». Вот и к нам посадили молодого мужчину. Он оказался чрезвычайно разговорчивым и любознательным. К тому же, как и я с Мишей, любил херес. Мы провели вместе весь вечер – с 18 до 24 часов. Я танцевала с Васей, и не догадывалась, что это автор моего любимого фильма («Коллеги» только что начали показывать на экранах Хабаровских кинотеатров). Попрощались, так и не познакомились. Я такое расставание приписала на свой счет. Тогда я была молода и красива, и с женихом. А Васе, я чувствовала, когда мы танцевали танго, чрезвычайно понравилась. Вдруг бы он сказал, что он «Василий Аксенов»... Может быть я ушла бы с ним, бросив Мишу? Наверняка поэтому мы так расстались, просто пожав крепко друг другу руки. Вася сказал: «Глядишь, встретимся! Земля – круглая! Все течет...»

В то время я только окончила факультет журналистики Владивостокского Университета и как отличница, была направлена в Хабаровск в газету Крайкома КПСС «ТОЗ» («Тихоокеанская Звезда») в литературный отдел. Когда мы с Мишей встретились с Васей Аксеновым в «Уссури», я проработала всего несколько месяцев. Писала литературные портреты разведчиков ВОВ, которые жили на Дальнем Востоке и в Сибири. Только одно у меня было исключение: «портрет» уникального хабаровского химфармзавода, который ра-

ботал на сырье дальневосточной тайги (различные настойки – «аралия маньчжурская», «лимонник», «ландыш с валерьяной», «женьшень», «пантокрин» и – до несколько тысяч наименований всяких лекарств!). В ресторане мы были в воскресенье, а в понедельник зав. отделом Людмила Николаевна Шахматова, поручила мне взять интервью у Василия Аксенова. При мне позвонила ему в номер гостиницы «Дальний Восток», люкс, и спросила, во сколько и где ему удобно встретиться с корреспондентом. Дело в том, что Аксенов сам позвонил в литературный отдел «ТОЗ» -а и попросил «толкового корреспондента, потомственного дальневосточника, ибо пишет книгу о дальневосточниках...» Василий Павлович ответил, что, если удобно, то лучше у него в номере, часов в 12. Конечно, он хотел бы на скамейке знаменитого Утеса «Ласточкино Гнездо», что в ПКО (Парк Культуры и Отдыха), но... погода! Уже несколько дней лило, как из ведра, не известно было, когда дождь прекратится. А Аксенов должен завтра улетать в Москву...

...Какого было наше взаимное удивление, когда мы встретились в фойе, гостиницы «ДВ», в назначенном месте!.. Я – потомственная дальневосточница. Родилась и сформировалась в тайге. Мой папа был начальником военного госпиталя на «точке» в Князе-Волконке. Там находились наши ракеты и полк. Могла легко забраться на самый высокий кедр сбивать шишки. Не раз ходила с отцом и братом на охоту, в том числе и на медведя... Поэтому я сама предложила извест-

ному писателю и симпатичному мужчине поговорить у него в номере. Он воспринял это с нескрываемой радостью и прихватил с собой парочку бутылок хереса, из буфета фойе... Когда мы зашли в номер, Василий Павлович спросил телефон работы моего жениха. Я сказала, и он тут же позвонил Мише. Через полчаса Миша был в номере Васи и тоже с двумя бутылками хереса... Мы проболтали весь день. Вася задавал всякие вопросы, мы с Мишей, перебивая друг друга, отвечали, Вася делал пометки в простом блокноте. Закончилась наша встреча уже в 24 часа в ресторане «ДВ», вход в который был из противоположного подъезда. Поэтому мы вошли в ресторан, как из пруда. Бабочка смокинга Васи имела жалкий вид. Вася был пижон, не то что Миша, который пришел чуть ли не в рабочей форме – работал он тогда слесарем на заводе Кагановича. Конечно же, мы обменялись адресами. Вася пообещал, что непременно пришлет нам свою книгу «с автографом, в котором будет вся полнота его благодарности и признательности нам за помощь в литературном труде». Утром, когда мы с Мишей, каждый в своей квартире и постели, спали, Вася улетел в Москву...

Сколько прошло времени – год, больше, – не помню. Книгу ни мне, ни Мише (он взял оба адреса) не прислал. Мы с Мишей поженились и жили вместе. Однажды после работы Миша входит в квартиру и, размахивая книгой, раздраженно говорит: «Апельсины из Марокко» твой Васька Аксенов состряпал! Ты почитай, – бросая книгу мне в руки, –

найди хоть предложение из наших рассказов! Но не в этом дело!.. А что этот тип написал о Хабаровске? «Городок, где люди живут за высокими заборами, вдоль которых бегают злые собаки...»... Книгу я читать не стала, и в душе была рада, что мой «портрет» молодого советского писателя Василия Аксенова опубликовала не «ТОЗ», а газета, калибром меньше – «Молодой Дальневосточник»... После развала СССР мы сразу переехали в Москву... Миша умер ровно через месяц после Василия Павловича Аксенова. Удивительно, но они перед смертью прошли один и тот же скорбный путь: сначала институт Бурденко, затем институт Склифосовского, где и умерли. Василий Павлович – 6 июля 2009 года. Миша – 6 августа 2009 года. Фактически Миша «умер» тоже 6 июля, ибо, после трепанации черепа в институте Бурденко впал в кому, и больше из нее не выходил. Мишу похоронили также на Ваганьковском, за семейной оградой с невысокими надгробиями, между дедом и бабушкой Миши. Дед Миши внезапно умер в 1925 году, за месяц до гибели Сергея Александровича Есенина. Бабушка Миши отметила мужу 40 дней и также скончалась. А родители Миши похоронены на «Третьем Хабаровске» – так хабаровчане называют свое главное кладбище. Поэтому семейная ограда, за которой покоится (надеюсь) Миша, находится недалеко от могилы Есениных...

...В конце 80-х, будучи уже известной журналисткой и писателем, но продолжая работать в ТОЗ-е, я была команди-

рована на Алтай, в городок Алейск. Меня встречали на самом высоком местном уровне – руководители комсомольских организаций, все местные журналисты и писатели. Все дело в том, что под Алейском находилась весьма большая колония, или как тогда их называли, ИТУ (исправительно-трудовое учреждение). Не знаю, правда или нет, друзья мои алтайские все умерли, а дети их разъехались, кто куда, человек, который еще помнил мои «лекции» о Василии Макаровиче, сообщил мне, что на месте колонии сейчас монастырь. Ничего удивительного. Ведь и Вася Шукшин сейчас – монах (сын Ольги Шукшиной)

...Страна еще не опомнилась после внезапной смерти Василия Макаровича Шукшина, моего хорошего друга. Алтай я знала, как свои пять пальцев, но – по маршруту: Барнаул – Бийск – Сростки. А про существование Алейска даже не слышала. Вот еще почему, меня так хорошо принимали в Алейске – из-за нашей дружбы с Васей Шукшиным. Если бы Вася не влюбился (взаимно) в Беллу Ахмадулину, то вместо нее в фильме «Живет такой парень» снялась бы я. Беллу я тоже хорошо знала и помогала ей «освоить» роль журналистки. Она часто в выступлениях рассказывала о своей подруге, «лучшей журналистке ДВ», благодаря которой ей удалось (как она полагала) из поэтессы превратиться в журналистку – «сменить жанр». Но мы-то с ней знали, кто сменил ей жанр!..

...Судьба совсем недавно решила, чтобы я вновь оказа-

лась на лестничные площадки известного всему читающему миру дома, на улице им. Марины Расковой. У дверей квартиры Беллы. Я часто бывала в квартирах этого дома. Но по-настоящему дружила только с Надеждой Давыдовной Вольпин и ее сыном Александром Сергеевичем, талантливым математиком, поэтом, посвятившим мне два стихотворения в сборнике «Весеннее», известным советским диссидентом, вынужденным эмигрировать в Англию. Так вот, вскоре после ее смерти, как мне рассказала моя случайная, чрезвычайно интересная с психологической точки зрения женщина (моя ровесница), что сразу после смерти Беллы, ее квартиру (где она практически не жила, и крайне редко бывала из-за недугов, а жила в Переделкино со своим последним мужем), какая-то дочь – толи приемная, толи родная, сдала американцам за большие деньги... Белла умерла через год после смерти Василия Аксенова и моего Миши. Они с Василием Павловичем стали знаменитыми на весь СССР в один и тот же год – 1962. Вообще в этом доме сейчас на 2/3 живут люди, крайне далекие от литературы и искусства, но крайне близкие к большим деньгам. Так «соседка» Беллы, некто Тамара, советская еврейка, вышедшая замуж за профессора из Гондураса и ставшая латиноамериканкой, играючи зарабатывала баснословные деньги. Я не знаю, кто был соседом Беллы и у кого «советская гондураска» купила квартиру, чтобы тоже сдавать ее гринго. Ее бизнес был предельно прост и чрезвычайно прибылен. Она договорилась с каким-то складом,

собирающим со всего мира кофе в зернах из «невостремки», и два раза в год привозила из Гондураса несколько мешков пластиковых маленьких «фирменных пакетиков», на которых на гондурасском языке было написано «Экологически чистый из элитных сортов кофе, с плантации...» и фамилия бывшей советской гражданки. На складе кофе упаковывалось в «фирменные» пакетики, и уже начинало стоить ровно в 100 раз дороже... Я, чтобы не быть обвиненной в клевете, говорю это со слов признания моей случайной знакомой, с которой стояла на лестничной площадке у квартиры моей подруги Беллы...

Так вот, значит Алейск и ИТУ... Зачем я туда приехала? Чтобы написать портрет Ивана Макаровича Шукшина, который, якобы, приходился близким родственником Василия Макаровича и очень на него был похож, как «клон»! Вообще-то я в жизни не раз встречала необычайное внешнее сходство совершенно чужих и не похожих психологически людей. Но было сходство и внешнее, и внутреннее, и даже «мистическое» двух людей, одного я знала очень близко и не раз писала его портреты – старшего следователя прокуратуры Николаевска-на-Амуре Олега Федоровича Савчука. И – сыщика Коломбо – замечательного актера Питера Фалька, которого я знала только, как зритель. Я не раз выезжала с Олегом на место происшествия и присутствовала на его допросах подозреваемых в преступлении. И могу сказать, что Питер Фальк в образе Коломбо скопировал Олега

Савчука. До нюансов. Даже потертые плащи у них были одинаковые и со старыми автомобилями они не расставались. А мистика в том, что ни у Питера Фалька, ни у Олега Савчука не было правого глаза: Питер Фальк потерял его из-за рака, а Олег наткнулся в тайге на ветку, когда гнался за преступником... Есть и еще одно мистическое сходство между Питером и Олегом, но, по этическим соображениям, о нем я умолчу...

...Иван Макарович Шукшин оказался действительно, как скопированный с Василия Шукшина. Естественно, он блестяще играл Василия Шукшина. У меня, общаясь с ним, не раз мороз пробежал по коже – я теряла ориентацию, что передо мной не мой умерший друг, а преступник, вор и убийца – рецидивист. Получалось, что и в этом, в актерском мастерстве, оба Шукшина были схожи... Мы пообщались, и я уехала в Алейск. Потом написала официальное письмо на имя начальника ИТУ СССР, генерала Юрия Алексеевича Алферова, чтобы по возможности известили меня, как сложится судьба Ивана Макаровича Шукшина, который отсидел свой срок и должен быть пущен на волю. Через месяц получила письмо от генерала Ю. А. Алферова лично, что И. М. Шукшин был застрелен при попытке убить надзирателя... Некоторые «клоны» (как однойцовые близнецы) не живут долго в одиночестве, без своего аутодвойника...

Читатель, поверишь ли ты, что все это, что я написала вы-

ше, я не собиралась писать! По суди по названию: какое отношение все это, что я тебе рассказала, имеет к буридановым ослам? Я, подобно авторам хайку и танка пишу алогично, бессвязно, как будто моей рукой кто-то водит. А пальцы оживают и сами бьют по клавишам. Правда, язык шепотом повторяет, что видят глаза на дисплее. И никогда ничего не исправляется: вот уже больше полвека моей жизни. Да, я не знала, что напишу про буридановых ослов. И сейчас еще не знаю. Но, с самого начала знала, что стержнем моего, этого творения – буридановы ослы – будет алтайский город (а не колония с Иваном Макаровичем Шукшиным!) Алейск. Чудный город Алейск... Вот сейчас и перейду к его описанию, начиная с лучшего номера лучшей гостиницы, куда меня поместили хозяева Алейска (правда, они, дружно и по очереди приглашали меня поселиться у них дома или на даче...). Сначала я думала, что это по причине развитого в Алейске гостеприимства. Однако, оказалось, не только...

Меня по городу возили в черной волге, который выделил комсомол и журналист, первый секретарь горкома КПСС – свою собственную. И поэтому, из окна машины, отвлекаемая рассказами сопровождающих меня симпатичных коллег, я ничего особенного не заметила. И вот я на втором этаже с номерами люкс лучшей гостиницы. В гостинице – никого. Мне сказали, что на первом этаже живут две девушки в одном номере – и все. Но недавно выехала бригада золотопромышленников, которая жила около недели. Некоторые но-

мера не успели убрать и мне предложили выбрать самой – из чистых. Номер я выбрала быстро – номер, как номер провинциальной гостиницы. Да, было это 16-го июля, и я собиралась еще попасть на ДНИ Василия Шукшина, которые начинались 20 июля в Барнауле. Продолжались 22—24 июля – в Бийске. А 25 июля, естественно, в Сростках, на горе Пикет. В день рождения Василия Макаровича – в «макушку лета», как он любил повторять, в полноправье. О! Какое паломничество было тогда на Алтай! Что творилось на Пикете: как во время вавилонского столпотворения! Именно там я познакомилась и подружилась с Василием Ивановичем Беловым, с Валерой Золотухиным, которые так недавно, друг за другом ушли из жизни. Там же, странно, у меня не сложились отношения с Вале́й Распутиным – ему не понравилось мое выступление о Васе Шукшине на Пикете... И у «великих смертных такие же слабости, как и у простых смертных», – это сказал Бальзак, в «Истории величия и падения Цезаря Бирото, владельца парфюмерной лавки, помощника мэра второго округа г. Парижа, кавалера ордена Почетного легиона и пр.» Дело в том, что Белов, Распутин и Золотухин стояли на трибуне, сделанной специально для этого случая, не крашенной и из только что от струганных досок, сильно пахнущих смолой. Наши классики стояли по краям трибуны, а в центре – представители Крайкома КПСС. Выступающие должны были встать (были две лестницы на трибуну) или рядом с партийцем и Беловым, или рядом, опять же с пар-

тийцем и Распутиным. Около Белова стояла «культурная теть» (выражение Василия Иванович) – зав. отделом культуры ГКПСС, с которой у меня был весьма серьезный конфликт, в связи с отравлением 300 детей выхлопными газами автомобилей в гараже: дети закрыли плотно гараж, завели автомобиль и начали нюхать выхлопные газы – «балдеть», тогда это было распространено среди подростков. А накануне я в «ТОЗ» -е опубликовала обширную статью о подростках-токсикоманах и чем это чревато. Так вот, «культурная тетя», когда узнала, что меня пригласили на Алтай, написала «Первому» на меня донос, суть которого была в том, что я «пропагандирую» своей статьей токсикоманию среди подростков! Но «ТОЗ» есть «ТОЗ», и ее «донос», который переслал нашему главному редактору «Первый» Алтая, был выброшен, в точном смысле, в урну. Таким образом, я встала между представителем правящей партии и Валентином Распутиным. И, наверное, поэтому, перечисляя имена «могучей кучки советских классиков литературы» – Шукшина, Белова, Абрамова, Астафьева, Леонида Фролова – не назвала имя Распутина... Валентина Григорьевича я, безусловно, считала тоже в этой «кучке»! Я ела на ДНЯХ Василия Шукшина, где бы они ни проходили, за одним столом с Василием Ивановичем, Валерой Золотухиным. Распутин за наш стол демонстративно не садился! «Он на тебя запал», – сыронизировал Валера. «Да, нет, – толи шутя, толи серьезно, буркнул Василий Иванович, – он – не такой!» «Какой?», – вырвалось

у меня. Василий Иванович не успел уточнить, ибо Валера разразился таким хохотом, что на соседних столах рты раскрылись и ложки впали из рук... Эту неприязнь ко мне Валентин Григорьевич сохранил и до настоящих дней...

...Я сказала сопровождающей меня комсомолке, что «Здесь остановлюсь!» И мы посмотрели номер телефона, что стоял на тумбочке рядом с кроватью. Вижу, что комсомолочка как-то смущенно жметса, что-то хочет сказать и стесняется. Я впиалась в нее от недоумения глазами, и тогда она проямлила: «Туалеты и душ не работают в гостинице... Во всех гостиницах... Воду из мойки (она была прямо в номере в углу) пить нельзя, умываться – можно... Можно и помочиться туда с табуретки... А если по «большому» – то вон ведро под крышкой, сходите и скажете горничной – тут же сменит... Летом в городе канализация плохо работает... поэтому и мух столько!» От этих слов мне стало как-то не по себе, и я тут же вспомнила, как настойчиво меня все приглашали к себе домой или на дачу. Вот и сопровождающая тоже сказала: «Давайте лучше ко мне. Я живу в деревянном доме. Удобства во дворе, но всегда теплый душ на улице и чистая вода в колодце и мух намного меньше, чем в городе!» Сутки я мучилась в номере люкс. Сутки питалась только пирожками и чаем, которым угощали меня коллеги и комсомольцы в своих «офисах». Вряд ли кто, читающий эти строки, может представить себе город, где длиннющие липкие ленты-мухоловки, казалось, спускались прямо с небес на улице и с по-

толков в зданиях. Я за всю свою жизнь не видела столько несчастных мух! Вот тогда я подумала, что мы – люди Земли, «ослепленные ее близостью» (К. Э. Циолковский) – подобны этим несчастным мухам: не понимаем, что с рождения на липучке!.. Не буду развивать здесь эту мысль. Кстати, не говоря уже о городах, встречающих гостей Василия Макаровича Шукшина со всех концов Света, и даже в ИТУ, – нигде я вообще не видела мух! Нет, вру, я решила с Валерой, после официальной части на Пикете сбежать на Катунь – солнце просто палило беспощадно, по 35 точно! Валера повел меня огородами, ибо через толпу, которая покрыла Пикет, пробраться было очень трудно еще и потому, что все тянули бесцеремонно тебя за руку к своему «столу», организованному прямо на траве, и пытались влить тебе в глотку граненый стакан водки. Все друг друга сильно любили общечеловеческой любовью! Арабы – израильтян, северные корейцы – южных, мы – японцев, японцы – нас. Американцы из США неуклюже выдавали себя то за мексиканцев, до за ирландцев, то за канадцев... Так вот, перепрыгнув через последнюю изгородь из жердей последнего огорода, мы оказались на берегу желтой и бешеной своим течением, и водоворотами Катунь. Валера повел меня к огромному камню, который далеко выступал в реку. На этом камне любил загорать и нырять с малолетства Васька Шукшин... И тут, о боже, стоят на нашем пути две старых-престарых клячи, облепленные мухами и оводами и пытаются своими куцыми хвостами лениво их

смахнуть с себя... Я не проронила и слова, но, по-видимому, выражение лица мое было такое, что Валера спросил: «Что с тобой? Если не хочешь купаться и полежать на камне Васи, пойдём назад! Без купальника? Я – тоже! За бугром, говорят, все нагишом загорают на пляжах. А мы, что – хуже?» «Да не в этом дело! Я вспомнила Алейск...» «Город как город. Вот только, когда побеги из колонии – все в избах прячутся. И милиция тоже! Поэтому в каждой избе – «винт»... Мы разделись нагишом, и, помогая друг другу, вскарабкались на поросший водорослями камень. «После Васи, видимо, никто на него не лазил!», – резюмировал наши потуги Валера...

О буридановом осле всякое говорят на счет того, почему он сдох с голода. Во-первых, все допускают одну ошибку (как правило): якобы перед ослом, справа и слева, были два пучка душистого сена, а он, бедолага, не мог выбрать. Тот, кто так думает, никогда осла в глаза не видел! Кстати, Жан Буридан, имел в виду совсем другое, когда цитировал Аристотеля об осле, который умер между двумя лужайками душистой травы. Буридан морализировал, Аристотель имел ввиду свободу выбора (это что-то вроде «прав человека» в наше время), а Лейбниц, тоже навел тень на плетень, превратив осла... в философа! Так вот, я начала с Гераклита не случайно. Это Гераклит впервые написал об осле, который уснул, стоя на мосту и глядя на воду, не дойдя несколько шагов до лужайки с душистой травой. Спокойное течение реки его

усыпило, а так ничто вокруг не изменялось, осел не успел проснуться и умер с голода.

...Несчастные мухи алейские! Несчастные буридановы ослы... А тут еще появились глобальные социальные сети...

Капри, ноябрь-декабрь 1989 г.

Историю, какую я хочу сейчас рассказать, я слышала от моего мужа – ученого международного масштаба и мировой известности – много раз. Она, эта история, его, несомненно, волнует «по-живому». И волнует по разным причинам. Но, как и подобает творческим личностям, всякий раз Евгений, рассказывает эту историю, по-разному. И, конечно же, всегда – правдиво! Макс Фриш, любимый писатель моего мужа, в романе-притче «Назову себя Гантенбайн», утверждает: «Человек сначала что-то переживает, а потом придумывает историю тому, что пережил... Ибо, нельзя дальше жить, не придумав истории того, что пережил!». Так вот, и к настоящему времени, когда я это пишу, мой муж еще не «сочинил» до конца истории, которую пережил тогда, на Капри, в ноябре-декабре 1989 года. А, переживания его были там «катастрофически» (его выражение) насыщенными событиями, и впечатлениями от них, на которые интеллект до сих пор не может адекватно отреагировать.

Есть такой хороший психологический прием: если то, что ты пережил, долгие годы не «отпускает» тебя, «забудь» (как Гантенбайн), что с тобой произошло. Думай о персоналиях, которые были с тобой тогда рядом. А рядом тогда с Евгением были: Василий Иванович Белов, Николай Николаевич Скотов. Это – самый близкий «ряд». Второй ряд: Раиса Макси-

мовна Горбачева, дочка русских эмигрантов, знаменитейшего архитектора, художника, отважного воина, графа Леонида Романовича Сологуба (победителя в конкурсе на монумент в честь 300-летию дома Романовых), Ирина Леонидовна Сологуб и полковник Ордена иезуитов, профессор философии и психоанализа, потомок первого мецената Рафаэля – герцога Урбинского Гуидобальдо да Монтефельтро Джованна Фельтриа (который заказал Рафаэлю три картины: две битвы Святого Георгия с драконом и портрет своей сестры, герцогини ди Сора, вдовы Джованни делла Ровере) – падре Эжидио Гуидобальдо. Раису Максимовну, кандидата философских наук, мой муж знал по Философскому обществу СССР, где он был в то время главным (последним главным в СССР) ученым секретарем.

Самое интересное с персоналиями. За исключением Раисы Максимовны, члена Правления ФО СССР, с которой мой муж встречался часто в ФО, других соотечественников он знал только заочно, и никогда с ним на родине не встречался.

Василий Иванович Белов (несмотря на то, что у моего мужа и Василия Ивановича был общий друг – Василий Макарович Шукшин) для Евгения был «небожитель», живой классик русской литературы, каким были для него Пушкин, Толстой, Тургенев, Чехов и т. д. О Николае Николаевиче Скатове, известном пушкинисте, Женя знал от меня и нашей родственницы, сотрудницы «Пушкинского Дома», Елизаветы Григорьевны Щуко, Николай Николаевич «прожи-

вал» для Евгения недалеко от Василия Ивановича. Я имею в виду русский «Олимп».

А вот с падре Эжидио Гуидобальдо и с графиней Ириной Леонидовной Сологуб Евгений был знаком давно. С падре, они вместе стажировались в 1975 году в Париже у мэтра западной европейской философии и психиатрии Жака Лакана. Тогда же он случайно, в советском посольстве, познакомился (на одном из приемов) с графиней Ириной Леонидовной Сологуб, русской парижанкой, близким другом мэра Парижа, а потом президента Жака Ширака. Но оба эти знакомства тогда были «шапочными», связи прекратились, как только муж покинул Париж. На Капри они познакомились снова. Так бывает, что люди несколько раз «знакомятся» (случай сводит), пока не начинают дружить. С Василием Макаровичем Шукшиным мой мужзнакомился три раза, прежде, чем подружился. Да так крепко, что за два дня до своей смерти Василий Макарович прилетал в Москву, чтобы повидаться с Евгением. Лиды и дочерей в Москве тогда не было. Но это – другая история!

Белов и Скатов до Капри не дружили. Их подружил первый Съезд на родных депутатов СССР. Дело в том, что Василий Иванович был избран народным депутатом, а Николай Николаевич нет. Скатов – человек эмоциональный и очень это (то, что не прошел в народные депутаты), переживал. А Василий Иванович его утешал, всегда рассказывая одно и то же: «Коля! Да не переживай ты так! Вот сию я

на съезде, как только выступает кто-нибудь умный, все камеры на Сахарова, а как – дурак – все камеры на меня!» И добавлял: «Да нас с Валькой Распутиным специально во власть пхнули: мы – за народ, значит и власть народная. Валька вон в Японию с Горбачевым ездил. А меня – на Капри... Я давно „их“ раскусил!» «Раскусил, а на Капри на народные деньги поехал!» «Ошибаешься! Поездку мне оплатили итальянцы! Я еще буду за лиры горбатиться здесь!» (Валентин Григорьевич не раз «оправдывался», что поддерживал Горбачева и был членом его президентского Совета. Даже в первые дни после своего 70-летия, когда гостил в Братске: «Меня считали фашистом. Опасались, что я окажу на Горбачева какое-то влияние. В Японии тогда готовилась к публикации моя книга „Сибирь“. Так ее отказались печатать. А на Горбачева я не мог оказать влияния. Трус он был...»¹

Мой муж подружился сначала с Николаем Николаевичем Скатовым, а потом с Василием Ивановичем Беловым. Они быстро перешли на «ты», конечно же, по предложению Василия Ивановича, который стал в их «компании» старшим. Валюты у советских каприотов было с гулькин нос. А у каждого – семья, друзья. Как вернуться без подарков? Не буду здесь перечислять, кто из литературной элиты, от Русской Православной Церкви, был собран на Капри Орденом иезуитов. Мой муж представлял философов СССР. И одновременно газету «Правда», где главным редактором был

¹ См.: http://pressmen.info/art/40_07_rasputin.htm

будущий первый помощник Горбачева, академик-философ, Иван Тимофеевич Фролов. Возможно потому, что Иван Тимофеевич, был не только выдающейся личностью, но и просто благородным человеком с хорошей памятью на добро, вспомнил, что его докторскую диссертацию помогла сделать книгой («Философия и современная биология») рецензия академика Алексея Владимировича Яблокова и аспиранта философского факультета МГУ Евгения Черносвитова, опубликованная в журнале «Философские науки»). ФО СССР не было богатым. Поэтому командировку моего мужа оплачивала «Правда».

Прошло много времени. Много прояснилось. Принимали наших на самом высоком уровне – встречал их на пристани и неоднократно приглашал к себе и в офис, и на виллу мэра Капри. Падре Эжидио Гуидобальдо объявил о создании Новой Каприйской школы им. Максима Горького. На заседание наших «новых каприотов» съезжались – знать Италии из разных городов и, конечно, множество студентов, кто изучал русский язык и русскую литературу, чтобы послушать и пообщаться с классиком Василием Беловым, с теоретиком русской литературы Вадимом Кожиновым, с советским «Белинским»... (после Капри «каприотов» принимали в Риме – в Соборе Святого Петра, и на вилле черного папы, генерала Ордена иезуитов – Каваллетти. Но личной валюты, повторяю, у советских знаменитостей было мало. Вот и продавали наши по ночам в бесчисленных темных переулках Ка-

при водку, красную и черную икру. Но особым спросом у каприйцев были советские часы Второго часового завода. Они ценились в то время намного выше самых дорогих швейцарских часов (падре, когда советская элита дружно начинала «скулить», что нет денег, просто заходил в какой-нибудь дорогой магазин, вызывал хозяина, и забирал у него, именем Господа нашего Иисуса Христа, все, что было в кассе, точь-в-точь, как начинающий мафиози!). Так вот, на этой почве – ночной торговли нашими «звездами», познакомились и сразу подружились Николай Николаевич Скатов и Евгений Васильевич Черносивитов.

НЕТ! Скатов ничего на Капри не продавал! И валюты у него было, как у всех, а все равно не торговал: «Стыдно, товарищи... Мы же Великую Страну представляем!» «Пусть Горбачеву будет стыдно, может расскажет ему кто-нибудь из агентов Буша, каково нам тут! На подъемнике экономим! Пешком в гору поднимаемся!» (подъемник в город на вершине Анакапри стоил полторы тысячи в один конец; ровно столько стоила бутылка красного сухого вина). Это парировал «причитания» Николая Николаевича известный писатель, шукшинист, барнаулец, профессор Виктор Горн, открыто торговавший водкой и красной икрой, даже днем по выходным.

Так вот, возвращается как-то мой муж под утро в гостиницу «La Pineta» в свой роскошный номер «ипо» с площади Ратуши, которая оживает после двадцати четырех часов,

темными переулками и видит такую картину: высокого мужчину окружило несколько каприйцев и на ломаном русском и английском языках требуют от него: «Часы дай! Дай часы: много лир дадим!». Он – высокий, а они ему по плечи, но их человек пять, и настроены они получить часы любой ценой! Отмахивается от них, как медведь от собак. И на чистом русском языке говорит им: «Ребята! Отстаньте подобру! Не продаю я часы. Они мне самому нужны!» Но «ребята» не понимают, и сжимают кольцо вокруг мужчины, Евгений понял – «нашего!» Муж мой – человек не агрессивный. Но – раньше занимался успешно боксом на Дальнем Востоке, мастер спорта. Двумя короткими ударами он сбил самых наглых с ног. Остальные тут же растворились в темноте. «Вы их не поранили?» – спросил высокий и наклонился над грабителями. А они, приходя в себя, уползали в темный переулок. «Коля! – протянул руку мужу Николай Николаевич – спасибо, вовремя! Я, ведь, драться то не умею! Ограбили бы, точно. А часы – отцовские...» Вот так подружились Коля и Женя! И ничто на их дружбу не влияет... Не мало друг другу помогли они в нашей трудной жизни!

С Василием Ивановичем Евгений Васильевич подружились после «Дня Белова». Дело в том, что заседания «Новой каприйской школы» происходили по такому графику: каждый из каприйцев имел один полный день. Первую половину дня он делал доклад на какую хотел тему. А вторую половину дня этот доклад обсуждали все каприйцы. Только Евгений

был вне этого порядка: его доклады о «русском психоанализе» были запланированы на вилле черного папы (монахи, которые постоянно проживали там, все, как один, представители разных народов мира, были известные ученые: философы, биологи, врачи, психологи, литературоведы, математики, физики, астрономы и представители других сфер знания) и в Соборе Святого Петра, в Риме. Так решил падре Эжидио (тоже Женя!) Гуидобальдо. Падре потом неоднократно гостил у нас в Москве. И приглашал нас в Италию. Так получилось, что мы смогли приехать в Рим только на его похороны.

Так вот. Наступил День Белова. Все ждали, что он расскажет о своей планируемой книге или начнет развлекать каприйцев и многочисленных гостей новой каприйской школы байками своей родной деревни Тимониха. А он неожиданно четко определил тему своего выступления: «Я посвящаю свой день самому значительному литературному творению нашего времени – статье Евгения Васильевича Черносвитова – «Мы устали преследовать цели...». В огромном зале гробовая (могильная, как угодно) тишина. Все головы дружно отвернулись от Василия Ивановича и одна за другой стали поворачиваться в сторону моего мужа. Витя Горн, который буквально цеплялся за Евгения, ибо писал книгу о его друге Шукшине, уставился на мужа, как на пришельца: как будто только его «узрел»! У Жени сердце забилося так громко, что ему стало стыдно и он сильно покраснел! Здесь

нужно сказать, что названная Беловым статья Евгения была опубликована в «Нашем современнике». Эту статью Евгению заказал заместитель главного редактора, хороший наш знакомый по Завидово, где жили женины родители, Валентин Свининников. А у Валентина в Завидово жила родная сестра. Сестра Валентина дружила с родителями Жени. Так Валя и Женя познакомились и подружились. Женя в то время много ездил по всему СССР, по разным причинам. Видел, что в стране происходит. И написал «Мы устали преследовать цели...» Строка из Федора Сологуба, не кровного родственника Евгения. Ирина Леонидовна не имела никакого отношения к великому поэту – однофамильцы. Валентину статья очень понравилась. А вся редколлегия, во главе с главным редактором Станиславом Юрьевичем Куняевым категорически против: «Мы не успели опериться, а после этой статьи нас закроют!» Валентин – человек упорный и хитрый: взял и показал рукопись статьи двум непримиримым идейным врагам – академикам – Андрею Дмитриевичу Сахарову и Игорю Ростиславовичу Шафаревичу. Статья обоим очень понравилась: «Срочно в номер!» Была двусторонняя рекомендация Куняеву. Он и его редколлегия при такой поддержке статьи, безоговорочно капитулировали. Статья вышла в октябре. И мой муж в миг стал всемирно знаменит! Reader`s Digest на всех языках опубликовал ее в сокращенном виде.

Больше месяца телефон не умолкал. «Взгляд» одну вос-

кресную передачу полностью посвятил статье мужа. Листьев, Любимов и особенно народный депутат СССР Политковский откровенно изгалялись не над статьей, а над ее автором. Политковский во весь экран в прямом смысле слова «корчил рожи и коверкал фамилию Черносвитов» (мы неоднократно писали и Александру Любимову, и хозяевам 1-го канала, чтобы дали нам копию того «Взгляда». Недавно муж обратился с этой просьбой к Евгению Додолеву – когда-то они были хорошими знакомыми – все безрезультатно!). А в статье Евгений написал, что СССР разваливается, как и кто его разваливает (нет, не фамилии назвал, а новые формации и их методы), и что удержать эту машину разрушения нашей страны уже невозможно. Резюме: СССР исчезнет. Повторяю, муж написал это в 1989 году... Видимо Горбачев и Буш прочитали статью Евгения, и легко договорились, как быстрее доконать СССР. Они, как известно, встретились на советском теплоходе «Максим Горький», пришвартованном к острову Мальта, когда мой муж и его новые друзья укрепляли, созданную иезуитами «Новую каприйскую школу» им. Максима Горького! Имя великого пролетарского поэта в те декабрьские дни в разных местах, но рядом, много раз произносилось всуе! Я убеждена, что ничего случайного в этой жизни не бывает!

Но не нашла ни в биографии Максима Горького, ни в его произведениях ничего, что бы указывало на то декабрьское, 1989 года, совпадение! Не буду здесь описывать, что расска-

зывает муж о Дне Белова. После этого «Дня» Василий Иванович перед ужином подошел к Евгению и сказал: «Женя! Будем харчевать за одним столом: не возражаешь?» «Нет, с удовольствием составлю вам с Колей компанию!» «Знаю, Коля поведал, как ты его отбил от итальяшек! Русские умеют драться! Может Коля не русский?» И громко захохотал! Хохотал долго. Потом вдруг сказал: «Я к тебе давно приглаждаюсь... Васька хорошо о тебе говорил!» Так возникла «фракция» в новой каприйской школе – Вася, Коля и Женя, мой муж. Потом к ним присоединился «ренегат» Вадим Кожинов. Он извинился перед моим мужем за то, что также оказался в числе тех, кто был против публикации его статьи, правда, оригинальным способом: «Я пил неделю, не просыхая! Они подловили меня, я думал – черти, „белочку“ поймал, а это были мальчики Куняева. Что-то подсунули, и я подписал. Прости!» Вадим Кожинов. Выдающийся литературовед-теоретик! Прекрасные книги написал о Тютчеве. И был убежден, и страстно это доказывал в своих книгах, что русские – не славяне, а немцы. И как это только он при этом забывал, что две трети «коренных» немцев – сербы!

У Василия Ивановича в отношении к моему мужу была «сверхзадача». Но сначала позволю рассказать о некоторых «мелочах», о которых всегда упоминает Евгений, когда вспоминает о новой каприйской школе. Эти «мелочи» касаются исключительно Василия Ивановича Белова. Его «чуждачеств».

1. Столик, за которым стали вместе харчевать Вася, Коля, Женя и присоединившийся к ним Вадим, был круглый и небольшой. Сидели плечо к плечу. Кормили иезуиты хорошо. Никто все не съедал, оставляя в тарелках. Никто, кроме Василия Ивановича. Он не только съедал все, что приносили в тарелках, но брал кусок хлеба и весьма демонстративно, уставившись в тарелку, тщательно ее «протирал» куском хлеба, а потом широко открывал рот и засовывал туда целиком использованный таким образом кусок хлеба, долго его разжевывал, а потом сразу проглатывал. Это было зрелищно! Это нужно видеть! Это был спектакль. Но так никто и не стал подражать Белову! Даже они, его партнеры по еде. Он ни разу никому и слова не сказал, какими нужно оставлять тарелки!

2. Когда трапеза приходила к концу, и шустрые официанты, быстро убрав тарелки, собирались протереть стол, чтобы принести напитки и фрукты, Василий Иванович жестом цезаря останавливал их. Огромной, как лопата, правой ладонью плотника он начинал бережно сгребать хлебные крошки в левую ладонь со всего стола (его партнерам становилось не по себе, но оставить свое место без хлебных крошек, никому так и не удалось). Сгребет, поднимет левую ладонь с горсткой хлебных крошек и ловким движением в миг забросит в рот и сразу проглотит. Все это он делал, не обращая ни на кого никакого внимания, ибо занят был весьма важным делом! Официанты, которые обслуживали наших ки-

приотов, были молодые ребята, Наверное, студенты. Некоторые из них перед 1 и 2 действиями Василия Ивановича замирали, обступив его стол.

3. Вадим на Капри много пил. Никто на это «не обращал» внимания. Однажды Василий Иванович все-таки сказал Вадиму: «А на какие шиши тебя повезут отсюда?». «На те же самые, что и тебя!» – не понял Белова Кожинов. «Да я сам поеду, а тебя повезут... в гробу цинковом на отдельном самолете. Подсчитай или поинтересуйся, сколько это будет стоить? Иезуиты платить не будут, а твой ИМЛИ² сейчас на мели!» «А, вот ты о чем! Ты то свое выпил, а я нет! Буду пить, пока не сдохну. А с мертвеца какой спрос? Придется тебе, Василий Иванович, народному депутату СССР у народа деньги просить, чтобы труп его соотечественника на чужбине с горы на съедение рыбам не сбросили... На Капри ведь для иногороднего кладбища нет! Своих хоронить некуда – одни скалы!»

4. После этого единственного разговора с Вадимом о его непробудном пьянстве, Василий Иванович выучил два итальянских слова: «анкор бирра!» И на ужине, когда каприотам подавали в неограниченном количестве пиво, Василий Иванович то и дело громовым голосом кричал: «Анкор бирра!», каждому официанту, кто пробегал мимо. Стол, за которым хозяйничал Василий Иванович и пил Вадим, был всегда заполнен банками отличного итальянского пива. Вадим все

² им. Максима Горького! – sic! М.Ч.

выпивал один, остальные сидели и помалкивали – ни Николай Николаевич, ни Василий Иванович, ни мой муж пиво не пили. Наконец Вадим не выдержал и, глядя в глаза Василию Ивановичу, несмотря на то, что был сильно пьян, сказал: «Вася! Напрасные хлопоты! Здесь я не сдохну! Я умру в России!» (Кожин привез с собой ящик водки, но не для торговли, и всю валюту, которую получал от падре, спускал на спиртное, ночью покупая у своих, будя их бесцеремонно: «Я плачу больше, чем итальяшки!» Только в свой «день», который он посвятил, естественно, Тютчеву и «немцам-русским», Вадим был «как стеклышко». Василий Иванович поил Вадима за счет иезуитов до конца пребывания на Капри.

5. По воскресеньям хозяин отеля делал каприотам приятные сюрпризы от своего имени и за свои деньги. Так, однажды, во время воскресной трапезы, на ужине, в ресторан вошли десять, как одна, писаных длинноногих красавиц. Ровно столько, сколько было мужчин-каприотов, и каждая встала за спиной «своего» мужчины, не обращая никакого внимания на обезумевших от такого нахальства женщин-каприотов. Они на хорошем русском языке, как по взмаху невидимой палочки, наклонившись к уху «своего» мужчины, прошептали: «После ужина увезу тебя в рай!» (Евгений всегда подчеркивает, что мужчины сидели так, как будто знали заранее, что эти модели придут; правда, лица у всех были с одним выражением – на них, лицах, застыл вопрос: «Разве женщина может быть так безукоризненно красива?») Ев-

гений пристально следил, как поведет себя Василий Иванович? Только его реакция на красавиц интересовала моего мужа! А Василий Иванович, когда девица прошептала ему на ухо заветные слова, сначала побагровел, потом побелел, а потом громовым голосом, от которого, как у Шаляпина, хрустальная люстра угрожающе зазвенела, гаркнул: «Меня женщины не интересуют!» Естественно, что все, в том числе пришельцы, повернули головы в сторону Белова, забыв про «своих» мужчин. А беловская красавица, отнюдь не растерялась и хорошо поставленным грудным голосом громко сказала: «Хорошо, милый. Тебя в рай отвезет мой друг Поль!»... Напряжение, вызванное пришельцами, резко спало. Все громко захохотали, как на хорошей сибирской свадьбе. Женщины сели на ловко подставленные официантами стулья за столики к мужчинам, не обращая никакого внимания на наших женщин. Появились чистые бокалы и много бутылок вина. Рай начался в ресторане... Евгений встал и, подойдя к хозяину отеля, сказал, что с Беловым такие шутки плохи, и если к нему подойдет мужчина-проститутка, Белов его убьёт: «Видели, какие у него кулаки? Быка ударом валит!» Видимо, для мужчин наших были приготовлены и «Поли», которые ждали своей очереди в укромном месте, куда поспешил добрый хозяин отеля... На другой день, в обед (на завтрак многие мужчины не пришли) Святослав Белза, знаток Италии, объяснил нашим мужчинам, которые пришли на завтрак, что «б-ди были все, как

одна, русские; внушки белоэмигрантов». Итальянские женщины нашим мужчинам наверняка бы не понравились. Это знали в борделе.

6. В другое воскресенье «подарок» (за счет хозяина отеля, конечно), дарил каприотам Святослав Белза. Он привел в обед пианиста и известного итальянского певца. Пока каприоты насыщали желудки, певец исполнял русские народные песни с итальянским акцентом, а пианист бойко ему подыгрывал. Все прошло хорошо, гладко. Певца никто не слушал... Кроме Василия Ивановича. Тот дождался исполнения номера на «бис», а потом, не вставая с места, громко сказал, обращаясь к знаменитому певцу: «Лучше бы ты пел свои, итальянские песни!..» Певец, пианист и Белза встрепенулись, ожидая чего-то неприятного. Но произошло совсем другое! То, что всех, включая певца и пианиста, потрясло так, что, как друг другу признавались потом каприоты, мороз по коже пробежал и ноги ушли в пол! Василий Иванович, не вставая из-за стола, вдруг запел басом русскую народную песню. Звуки его голоса прижали всех присутствующих к стульям, тела одеревенели. Песня заполнила все пространство огромного зала. Даже птицы на улице замолкли. Время остановилось и исчезло. А он пропел, закрыл рот. И некоторое время продолжал смотреть куда-то в пространство, только ему ведомое. Сколько длилась тишина – никто сказать не мог. Как никто сказать не мог, как долго длилась песня, и о чем пел Василий Иванович? Даже Белза,

музыковед, в растерянности только пожимал плечами. А Витя Горн, соскочив со своего места, тыча пальцем в сторону Василия Ивановича, что-то пытался сказать, но дара речи лишился! Когда все постепенно начали приходить в себя, Василий Иванович сказал, обращаясь к пустому месту, ибо певца и пианиста, и следы простыли: «Русская, говоришь, песня... Она, брат не поется, она – поет сама!» Сколько мой муж, Николай Николаевич и Вадим Кожинов не уговаривали Василия Ивановича еще, хоть разок, спеть, он больше не пел. «Спой, Вася! Ей богу пить брошу!» – упрашивал Белова Вадим. Василий Иванович только ухмылялся.

А теперь о сверхзадаче, которую имел Василий Иванович Белов к Евгению Васильевичу Черносвитову и немного о цезаре Тиберии (Tiberius Caesar Divi Augusti filius Augustus, Pontifex Maximus, Tribuniciae potestatis XXXIX, Imperator VIII, Consul V – Тиберий Цезарь Август, сын Божественного Августа, Великий Понтифик, наделён властью народного трибуна 38 раз, император 8 раз, консул 5 раз) Согласно Библии, именно в его правление был распят Иисус Христос (Лк.3:1)), его замке, где, скорее всего, его убили, а заодно и его юную возлюбленную израильтянку. Не случайно, так чтут в Израиле Тиберия, что в его честь назван город Твения. С Тиберием было покончено, потому что его предали преторианцы, которым он очень доверял. О Тиберии все историки, начиная с Тацита и Светония, весьма хорошо отзывались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.